

Светлана
Потапова

Ремонт

КомпасГид
издательский дом

Светлана Потапова

Ремонт

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45733200

Ремонт: КомпасГид; М.; 2019

ISBN 978-5-00083-618-7

Аннотация

Остросоциальная драма – так определяет жанр своих произведений Светлана Потапова. Ее героями становятся подростки, жизнь которых трудно назвать счастливой: они всегда на взводе и от мира ждут не подарков, а скорее оплеух. В этих историях, рассказанных от первого лица, нет ни одной фальшивой ноты, а место действия намеренно не названо, ведь такие сюжеты могли бы разворачиваться – и разворачиваются – где угодно.

Людмила из повести «Ремонт» бесконечно стыдится своей матери – бесхребетной, навязчивой, неспособной ее понять. А уж чем мать зарабатывает на жизнь... И у друзей Людмилы дела не лучше: у кого прошлое семьи рассекла страшная трагедия, у кого родители живут будто в другом веке, не замечая ничего вокруг. Таковы, кажется, все взрослые – оторванные от реальности, насквозь фальшивые или жестоко равнодушные. Но у Людмилы появляется шанс начать новую жизнь – выгрызть из мира хоть кусочек, где можно жить по собственным правилам, защититься

от лицемерия, ставшего для других обыденным. Кто знает, может быть, взаимоотношения с близкими людьми тоже удастся починить – или проще их выкинуть, как старую рухлядь?

У Леры и Лены из рассказа «Она была похожа на инопланетянку», кажется, нет ничего общего, кроме того, что обе занимаются в модельной студии. У Лены семья самая обычная, и в модели ее отдали, чтобы высокий рост не пропадал зря и осанка исправилась. А Лера из обеспеченной семьи, родители ни в чем ей не отказывают, и теперь она хочет блистать на подиуме. Но после выпускного дефиле она исчезает – и только Лена догадывается, что гордая красавица, похожая на инопланетянку, попала в беду.

Журналист и педагог, Светлана Потапова обладает уникальным даром подмечать красноречивые детали и точно передавать живой подростковый язык. Повесть «Ремонт» в 2017 году вошла в лонг-лист премии «Книгуру».

Содержание

Ремонт	6
1	8
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Потапова

Ремонт

*Автор просит считать случайными совпадения
с реальными лицами и событиями*

© Потапова С. А., текст, 2019

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

Ремонт

Вначале все дети любят своих родителей; когда становятся старше, начинают их судить; иногда они их прощают.

Оскар Уайльд

Мы трое стоим на балконе, держимся за руки и с открытыми ртами смотрим вниз. Снизу всё, наверное, выглядит как банальное подростковое глупое групповое самоубийство. Мы как те две девчонки, про которых писали в новостях: они сиганули с крыши многоэтажки, взявшись за руки, и предупредили об этом непонятно кого заранее в «Твиттере». Нипочём не хотела бы судить их теперь – никто на всём свете наверняка не знает, что их туда понесло. Но всё равно они дуры: вдруг из их тупика был выход, а они ни с кем не посоветовались. У них было время!

Я бы посоветовалась с Пашкой, он у нас самый умный. Ему уже восемнадцать, а нам с Чебурашкой по пятнадцать. Но Пашка стоит сейчас и держит нас за руки, и посоветоваться уже не успеть. Слышно, как стучат, звонят и орут за дверью нашей квартиры; громко говорит мужской бас: «Будем ломать!» И наше время из целой жизни вдруг спрессовалось почти до нуля. Этот остаток уходит по секундам, которые я чувствую: они бьют в мою грудную клетку.

Мне приходит странная мысль: мы с Пашкой, если б захотели, могли бы поцеловаться на прощанье над головой Чебурашки, который стоит между нами: такой он у нас маленький. У него, Чебурашки, красивое лицо с длинными тёмными ресницами, голубыми глазами и всё такое, только уши

подвели: оттопыриваются и большие, за что он и получил своё прозвище. У нас у всех почти прозвища, кроме девочек и Пашки. Это не со зла и не блатное, просто так удобнее: сразу всем понятно, что ты за человек...

Чебурашка появился в квартире первым. Примерно два месяца назад.

Я тогда узнала, что у меня есть собственная квартира. Случилось это в очередной ссоре с маман.

– Ты никто! – орала я ей. – Никто и звать тебя никак! Ты ходишь в чужих обносках, что тебе приносит тётя Оля! Ты в жизни хоть раз была в парикмахерской или родилась с этим седым шишом на голове вместо волос? Что толку, что я хорошо одета, у меня маникюр, если ты – мой позор?! Сегод-
ня опять я врала, что ты не можешь прийти на собрание в школу! Училка сказала, ты все четыре года, с пятого класса, ни разу не была на собрании, может, ты миф? Все смеялись. Она не знает, что ты и всю начальную школу не была на собраниях! Даже первого сентября в первом классе ты стояла за забором школы. Ты хоть знаешь, как я ревела тогда??? Уйди с глаз моих! Ты уродище, а не мать!!!

– Люсенька, ты перестань, ты успокойся, – бормотала она.

Обозвала меня словом, которым называли людей в прошлом веке, а теперь издевается. Ещё один мой позор! Все девочки Миланы, Владлены, Евы или хотя бы Даши или Насти, одна я – Людмила. Только маман могла такое придумать! Да ещё переделать потом в кошачье имя Люся.

– Это имя значит «людям милая», – оправдывается каждый раз маман.

– Ага, щас! С этим именем жизнь кончается в пятом классе, когда проходят по литре «Руслан-и-Людмилу»!

Но она не понимает и не верит.

В общем, все наши ссоры с маман проходят по одной схеме. В тот раз я взъелась ещё и на нашу квартиру.

Маман её, конечно, убирает. Ещё бы не убирала – я её тогда бы просто прибила, наверное. Быть такой, как она, да ещё и не убирать, и не готовить суп, и не стирать – ну это вообще край. Но у нас бедно. По-настоящему бедно, а не так чтобы телик не той модели, или комп с маленьким экраном, или нет стеклопакетов. Хотя всё перечисленное, по-моему, тоже бедность.

Я не особо бывала в богатых квартирах, так что тут в описании у меня пробел. Но у нас советская квартира: вот как взяли и перенесли на машине времени из 1980-х годов всю обстановку, и обои даже сохранили. Обои бумажные, линялые какие-то, с цветочками, жалко обведёнными золотым. И вокруг выключателя на обоях сальные пятна от того, что тут, не глядя или в темноте, шарили руками много лет. Телевизор «Садко» с толстым стеклянным пузом показывает три канала чётко, ещё два – сквозь снег. Придётся сказать, хоть это вообще ужасно, что он чёрно-белый. Не знаю, с чем его сравнить. Наверно, с улыбкой заключённого негра. Белое, чёрное и очень грустно. Маман говорит, телик цветной она не успе-

ла купить в восьмидесятых, хотя стояла на очереди. Но купила другой предмет прошловековой роскоши – залакированную стенку, которую она называет полированной. У меня глаза на секунду слепнут и им физически больно, когда я натыкаюсь на стенку взглядом. Это крепкое слоноподобное убожество простоит ещё двести лет, когда уже внуки маман сдохнут от бедности. Из крупных предметов есть ещё древний диван с пробойной в середине, как старый корабль, в который попал снаряд (стоит ли уточнять, что по бокам у него лакированные перильца?). На диване сплю я. Маман спит на раскладухе на кухне. Не хочу терпеть её рядом с собой хотя бы ночью. Ещё в нашей общей комнате есть пара стульев с разными спинками и разными протёртыми сиденьями. И лакированный стол, за которым мне полагается делать уроки, – но я забила на это занятие года четыре назад. Прочие мелкие предметы, тщательно выстиранные маман или протёртые тряпочкой от пыли, не скрашивают, а подчёркивают нечеловеческую бедность крупных.

Я в тот вечер орала, что чёрт с ним, происхождением её денег, пусть только заработает на нормальную мебель и ремонт! У меня никогда, НИКОГДА в жизни не было гостей! Ни на дне рождения, ни в Новый год, ни в десять лет, ни в пять, ни в три – я бы это запомнила! Даже соседские дети не приходили, хотя нормас всех звать, если предков нету дома.

– Почему ты такая дрянь?! – орала я. – Ты испортила мне всю жизнь!!! Ну почему, почему ты такое ужасное ничтоже-

ство?

Я не какое-нибудь чмо. Я знаю, что мать надо уважать – это человек, который родил человека или даже нескольких и вырастил их, и всё такое. Но здесь, поверьте, другой случай.

И тут она, пригибая голову от того, как я на неё ору, вдруг говорит:

– Ну не такие уж мы бедные! Не у каждого есть ДВЕ квартиры!

Главная, единственная черта этого существа – слабость. Даже язык свой придержать оказалась не способна!

В тот же вечер я её заставила съездить вместе на загадочную вторую квартиру.

Мы вошли, и я опупела: она оказалась двухкомнатной. Какого фига она пятнадцать лет ругалась со мной в одной комнате – вернее, я ругалась на неё, – если мы могли тусоваться почти отдельно??? Дурнее этой дуры точно свет не видел!

Впрочем, я, наверное, поняла почему. Эта квартира была настоящий бомжатник. Из всей обстановки там стоял диван – корабль намного древнее, чем мой, и с дырой, которую невидимый снаряд пробил уже насквозь. Края дыры обожжены. Вместо стола – треснутая фанера, положенная на два кирпича и застеленная продуктовым пакетом. Этот пакет залит грязной водой, и в лужице плавают окурки. Вынутая сидуха от стула брошена на пол. Всюду: на столе, у ничем не занавешенного окна и даже под диваном – пустые бутылки, наверное, штук пятьдесят. Пол собран из кусков линолеума

разных цветов и размеров, прибитых друг к другу гвоздями. А на полу такой слой пыли с грязью, что видно: от двери до дивана протоптана дорожка! Как тропинка в лесу, я не вру! Это всё, уточняю, в одной комнате. Во второй был такой вонизм, что, я подозреваю, прежние жильцы и их почтенные гости явно туда заворачивали, если спьяну забывали, где туалет. Чтобы из такой квартиры сделать жильё, надо столько бабла, сколько у нас никогда не будет.

Выяснилось, что тут жила моя бабушка. Материна мать. Не знала, что она существовала на свете. Ясен пень, такого бомжа и алкоголичку даже маман стеснялась. Есть же люди, которые позорят ласковые и невинные слова, как «мама», «бабушка». Эта ба...бомжиха сдохла недавно, вот так маман и получила хату. Тут до меня вдруг дошло, как всё смешно.

– А-ах-хренеть! – ржу я и остановиться не могу. – Так ты, получается, ненавидела свою мать так же, как я тебя???

Она застыла и руки трясутся.

– Неправда! – вдруг как закричит. Я никогда за пятнадцать лет не слышала, чтобы она кричала или вообще чем-то возмутилась. А тут у неё голос стал другой. – Я не такая, как она! Я именно против этого... боролась! Я всё делаю, чтобы у тебя жизнь нормальная была!

Тут уже я возмутилась.

– Нормальная??? ЭТО ты называешь НОРМАЛЬНОЙ жизнью? И это так ты борешься? Ты – говно, плывущее по течению!

Я бы матом на неё сейчас пошла, честное слово, так это было лживо, что она говорит. И вот тут, в запале, мне пришла в голову великолепная мысль. Я даже злиться на неё перестала. Как шарик воздушный, до предела надутый, лопнуть не успел: ниточка развязалась, и он резко сдулся.

– Пошла вон, – говорю я ей спокойнейшим голосом. – Ты тут болтанула, что бабка мне квартиру завещала. Я здесь хозяйка. Так вот, пошла вон. И чтобы я в своей жизни тебя больше не видела. Деньги мне на карточку можешь перечислять. А можешь не давать. Сама заработаю.

– Люсенька, тебе же ещё пятнадцать лет, – гундосит она, и из глаз льётся. Ну, на это она легко способна – за этот артистизм ей деньги и дают.

Я сильно толкнула её и дверь за ней закрыла. Эта амёба постояла и ушла, было слышно, медленными оседающими шагами, как ходят старухи с палками.

У меня есть три-четыре дня, пока до неё дойдёт, что случилось, и она побежит жаловаться тёте Оле. Хорошо бы здесь сделать ремонт.

Весь тот вечер я драила свою квартиру. Нашла какое-то вонючее ведро – наверное, бомжиху в него рвало в запое, – отмыла его, налила воды и начала драить полы. С непривычки пролила кучу воды – я в жизни ещё не мыла полов. Надеюсь, не залила соседей – у меня пятый этаж. Настругала мыльной стружки в воду, и через полтора часа вторая комната не воняла ссаккой, а в первой дорожка на полу, протоптанная в пыли, почти исчезла. Ночевать на таком диване, конечно, было нереально. И я позвонила Чебурашке.

Чебурашка прибыл через полчаса с огромным пакетом для мусора и раскладушкой, которую он пёр задыхаясь: я же говорила, что он маленький. Мы с Чебурашкой учимся в одном классе в самой стрёмной школе на свете. О ней я ещё расскажу, а может, нет, не стоит она того. Из всего нашего проклятого училками девятого класса Чебурашке, пожалуй, хуже всех. Он не выглядит на пятнадцать лет: как будто пятиклассник по ошибке зашёл со взрослыми дядями и тётями в класс. На голову ниже всех, а кого-то – и на полторы головы, бедный. Мне всё-таки не было бы его жалко, потому что у него есть мать и даже отец (у полкласса с последним экземпляром проблемы), и они (даже отец) иногда ходят на собрания, и сына собой особо не позорят. Но Чебурашка ещё и отсталый. У него двойки и по математике, и по русскому,

про английский я уж не говорю, причём с начальной школы. Он не дурак, наверное, потому что в первом классе учился на три и даже четвёрку однажды по математике получил. Он стал отсталым потом, когда школьная программа ушла вперёд, а Чебурашка за ней не успел.

Я уже давно поняла, что школьная программа – как телевизор. Причём чёрно-белый, как улыбка негра в застенках. Училки вещают нам что-то, как с экрана, и, если не успел услышать или понять, – всё, капец, ты отстал. Назад не перемотать, и повтора передачи не будет – я ж говорю, это чёрно-белый телик. В учебниках такая муть, что самому разобраться нереально, даже если вдруг кто-то бы захотел. Как будто языком племени мамбу написано, а не русским. Чтобы училка тебе что-то пояснила – это как если бы с экрана телика кто-нибудь высунулся по пояс и взял тебя за руку! А сами училки твердят как попки: «Если вы чего-то не понимаете – спрашивайте!» Агась, спросишь их. Я раз спросила алгебраичку про то, чего не понимала, – она как заорёт: «Ты что, тупая? Это же эле-мен-тар-но!!!» Так это для неё элементарно, а не для меня. И полкласса ту тему тогда не поняли. Больше никто не рискует спрашивать, спасибо.

Поэтому у большинства в классе репетиторы, и не по одному предмету: по матишу точно, по инглишу обязательно. Я лично не понимаю физику и химию, алгебру и геометрию, хоть убей меня. В этих предметах так: если пропустишь, попал на все следующие темы автоматом. Но я – мэтр по ин-

глишу и русскому. Я не учу ни фиги, просто у меня талант. К языкам. Наша Крестинка – Крестина Михайловна, англичанка, – говорит, что мне надо поступать на иняз.

На уроке у Крестинки месяца два назад мы подружались с Чебурашкой. Она злая пришла, как всегда, и говорит: «Контрольная. Доставайте листочки».

Чебурашка сидел один за партой, скрючившись, жил в смартфоне. У нас у всех смартфоны, даже у бедных и отстающих. Быть без смартфона – это как с соплей под носом ходить: вопрос внешнего вида. Так что и нищелородам родики сбиваются на этот предмет и дарят хотя бы самый дешёвый, хотя бы на день рождения.

Чебурашка сидит за первой партой из-за роста, но глаз на училку не поднимает никогда. И они его в упор не видят. У родителей Чебурашки нет денег на репетиторов, как и у моей маман, так что он числится умственно отсталым и училки его не спрашивают. Взаимный негласный пакт о невмешательстве. Но в тот раз весь класс взволновался, и Чебурашка впервые на уроке поднял голову: Крестинка о контроле не предупреждала!

Такое запахло вообще многие училки делают. Вот русичка раз забыла нам задание задать и спрашивает на уроке. Мы ей смартфоны раскрыли и в нос тычем «Дневник.ру»: мол, нет тут вашего задания, смотрите! А она в смартфоны не смотрит, сама уже вспомнила, что не задавала. Поставила всем двойки, всему классу. Мы на перемене побежали к

классной жаловаться. Классная раскрывает свой ноут, а там в «Дневнике.ру» уже задание от русички появилось. И дата выставлена сегодняшняя, пять минут назад. Вот такая подлость.

Но к Кристинке у нас раньше хорошее отношение было. Мы её считали не училкой, а человеком – потому и кличка у неё по имени. Она к нам в школу пришла, когда мы в пятом учились. Весёлая такая была. И конфетки детям дарила. На каждом уроке, представляете, каждому ребёнку по конфетке. А потом скурвилась, стала как все училки. Конфет уже нет, и сорвётся, бывает, и всем двоек наставит, и орать начала, а раньше с нами песни пела на английском. Я слышала: ей завуч сказала, нечего, мол, песни петь, надо оценки выдавать нормальные и соответствовать программе. А программа по английскому такая, что без репетитора ни слова не понять. Картинок много только красивых в учебнике – он тупо перепечатан с иностранного, – так ведь что иностранцу хорошо, то русскому смерть.

Это что же, спрашивается, надо сделать с человеком, чтобы он в пятом классе дарил детям конфеты, а в девятом готов был убить ребёнка за невыученный урок!

Ну, ей к тому же двадцать шесть уже стало, а не двадцать два, Кристинке, так что она бесится, как наша кошка, когда её гулять не пускают. Где ей гулять, Кристинке то есть, когда тут мы да ещё завуч.

В общем, орёт Кристинка на уроке, что предупреждала

нас о контроше, и всё тут. И вдруг вылезает из-за своей первой парты медленно так наш Чебурашка. И говорит обычным голосом, как будто и не на подвиг идёт, следующее:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.